

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAIS"

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 3930

INTERES GENERAL
Concesión Nº 4233

AÑ IX

Buenos Aires, Jueves, 6 de Diciembre de 1956

Буэнос Айрес, четверг, 6-го декабря 1956 г.

№ 359

Борис Ширяев

Единственный союзник Венгерского Народа

В то время, когда я пишу эту статью, заканчивается месяц от начала восстания, поднятого героическим венгерским народом против гнета мирового коммунизма.

Происходит, как кажется, нечто логически необъяснимое. Стихийный протест неорганизованных толп студенческой и рабочей молодежи Будапешта против режима своих же венгерских коммунистических диктаторов с необычайной быстротой не только преодолел контрнажим венгерской же организованной коммунистической партией армии, но и целиком вовлек ее в ряды повстанцев. Восстание охватило всю страну. К молодежи примкнули рабочие и крестьяне. Иллюзорная сила местной коммунистической партии рассыпалась, как карточный домик и московский штаб всемирного коммунизма был вынужден привести в действие на ходившиеся в то время в Венгрии очень значительные соединения оккупационной армии Советского Союза.

Тут произошло еще менее объяснимое. Сравнительно маленький венгерский народ, смогший во Второй Мировой войне, несмотря на все требования Гитлера, выставить лишь четыре дивизии, не только оказал успешное сопротивление превосходившим его силам оккупационной армии, но принудил московский штаб всемирного коммунизма к посылке в Венгрию подкреплений, достигающих, по сообщениям иностранной прессы, пятнадцати дивизий, из которых часть моторизованных, пяти тысяч танков и большого числа боевых самолетов. Но оказалось мало и этих сил. Несмотря на вполне обычные для коммунистов жестокости, несмотря на охвативший страну голод, несмотря на полное разрушение ее столицы — Будапешта, сопротивление восставших продолжается и по сей день. Борьба приняла лишь иную форму: восставшие перешли от методов тактики регулярных армий к партизанщине, всосались в землю, что, возможно, даже усилило их сопротивление и привело в замешательство командование карательной армии коммунизма. Отрывистые сообщения западной прессы упорно говорят о несогласованности действий оккупационных отрядов, об их разобщенности, отсутствии связи между ними и, главное, о растерянности их высшего командования. Беженцы, которым удалось прорваться в Австрию, единогласно утверждают наличие партизанских застав даже на генеральных автострадах, которые безусловно должны были бы полностью контролироваться оккупантами.

В чем же скрыты причины того, что неорганизованный, плохо вооруженный венгерский народ продолжает даже с некоторым успехом сопротивление пре восходящей его во всех отношениях регулярной армии?

В героизме восставших, как об этом кричит западно-европейская и североамериканская пресса? Мы далеки от мысли сколько-либо снизить высокий порыв этого подлинно патриотического героизма. Несомненно, каждый из восставших достоин имени героя, но в наш век панцирных и моторизованных войск, автоматического огнестрельного оружия и ударов с воздуха, одного героизма мало. Сколь бы ни были одухотворены им отряды повстанцев, они все же неизбежно обречены на полное истребление в самый короткий срок, как это не раз бывало со столь же героическими борцами против коммунизма

в самом Советском Союзе. А между тем борьба в Венгрии продолжается и ее конечный исход далеко еще не ясен.

Быть может, действия оккупантов связаны страхом перед общественным мнением свободного мира и его весьма проблематичным реальным выражением? Несомненно, что личная, индивидуальная совесть довольно значительного числа населяющих этот, пока еще свободный, мир, если и не вполне пробудилась, то все же показывает некоторые симптомы пробуждения: наблюдается очень значительный отлив из коммунистических партий Италии, Франции, Англии, группы коммунистов-интеллектуалов выражают свой протест в печати, поступают крупные пожертвования в пользу повстанцев, общественные и экономические организации шлют в Венгрию продукты питания, медикаменты и целые санитарные поезда, которые, к сожалению, попадают в распоряжение не восставшего венгерского народа, но его палачей... Однако, правящие коллективы сильнейших демократических государств, то-есть, именно те высшие государственные организации, которым народы вверили защиту своей свободы, не выходят из состояния привычной для них пассивности. Их центр — ООН, которому надлежало бы объединить и возглавить помощь борющимся за свою свободу венгерским демократам, не нашел в себе сил для какой-либо мере решительных действий. Выкрикнуто несколько тысяч обычных красивых слов... и только. Даже экономических санкций, которые безусловно должны были бы быть применены к явным интервентам по уставу ООН, не применено. Не было сказано даже слова о них. Демократический колос Северной Америки предпочел отделаться денежной подачкой в пользу беженцев и занять нейтрально-выжидательную позицию, несмотря на то, что именно Северо-Американская демократия провозглашает себя защитником прав малых народов... по крайней мере в пределах бывшей Российской Империи, в среде единой российской нации.

Говорить о пробуждении совести демократического мира и страхе коммунистов перед этим пробуждением пока еще более чем преждевременно. Но сопротивление венгерских повстанцев все же продолжается. Что дает им силы?

Западная пресса в своих сообщениях о событиях в Венгрии уделяет очень большое внимание пресловутым проявлениям "традиционного русского империализма", часто вспоминает помощь, оказанную в силу договора и Священного Союза императором Николаем I юному Франц-Иосифу при подавлении венгерского восстания Кошута в 1848 году и лишь иногда проскальзывают в ней короткие сообщения о русских солдатах и офицерах оккупационной армии, оказывающих помощь повстанцам оружием и даже переходящих на сторону восставших целыми группами. Демократическая печать небрежительно называет этих, также подлинных и несомненных героев, по вторым именам дезертиров.

А между тем, многие беженцы и главным образом иностранные корреспонденты, совершавшие путь от Будапешта до Вены, неоднократно свидетельствовали о том, что они видели в рядах восставших русских солдат, в советском обмундировании, но сорвав-

Народно-Монархическое Движение, Аргентинский Район Корпуса Императорских Армии и Флота, Буэнос-Айресская Группа Российского Императорского Союза-Ордена и Союз 6. Российских Императорских кадет извещают, что в воскресенье 9-го декабря с. г. в Соборном Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), после Божественной Литургии, будет отслужена ПАНИХИДА о в Бозе почившем

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ
ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АНДРЕЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ

в сороковой день Его кончины

9-го сего декабря, в 40-ой день кончины Почетного Председателя Совета Российского зарубежного воинства

Е. И. В. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

в Соборном Храме Воскресения Христова, после Божественной Литургии будет отслужена ПАНИХИДА, на которую приглашаются воинские организации и все русские люди

Отдел С. Р. З. В.
Воспитанники
Михайловского Артиллерийского Училища

ших со своих фуражек красную звезду. Еще ярче о том же говорит и другой факт: кремлевскому командованию пришлось в начале восстания спешно вернуть в СССР занимавшие Венгрию русские по своему личному составу дивизии и заменить их монгольскими, как выражаются эти корреспонденты, то-есть вернее всего частями, укомплектованными киргизами, узбеками и другими народами Средней Азии, очень слабо разбирающимися в политических вопросах, тем более касающихся чуждой и даже неизвестной им Венгрии. Один из вождей восстания в Будапеште, Т. Пастор, которому удалось проскользнуть через границу и попасть в Париж, пролил еще больше света на русских союзников венгерских антикоммунистов, рассказав о виденном им лично переходе на сторону восставших разом трех тысяч русских солдат оккупационной армии при шестидесяти танках, артиллерии и полном вооружении, оставленном им повстанческим командованием, так как они влились в ряды восставших. Этот же Томас Пастор рассказал еще о другом таком же случае — переходе в Будапеште перед фронтом "Астория" пятнадцати подсоветских танков на сторону восставших, а небольшая итальянская радиогазетка "Утренние Новости" не раз уже сообщала о братании подсоветских солдат с повстанцами, о передаче ими оружия восставшим и растерянности вследствие этого советского командования. Вполне понятно: как тут не растеряться!

Еще один факт того же порядка: некий смелый кинооператор английской фирмы не только заснял на пленку факты братания и передачи оружия, но сумел даже вывести в Англию негатив, на который советское подпредство тотчас же попыталось наложить свою когтистую лапу что, к чести англичан, допущено не было.

Есть от чего растеряться не только командирам отдельных действующих в Венгрии соединений, но и самой кремлевской банде. Об их растерянности рассказал кое-что Тито в своем последнем докладе главарям его партии. Он сообщил им, что в кремлевской банде сейчас ожесточенно борются между собой три группы: первая — старых сталинцев с Молотовым, Коневым и Жуковым во главе, вторая, противостоящая им, группа — Хрущев, Микоян и Шепилов и, наконец, третья, лавирующая между ними в своих интересах —

группа Маленкова. Фокус борьбы этих групп в наши дни — политика партии в странах народной демократии и внутри самого Советского Союза. Это расторопное единое доселе генеральной линии партии вызвано в меньшей степени борьбой личных интересов и в большей степени критическим положением самого всемирного коммунизма, явно ощущающего страх, и осведомленного больше нас о нависшей над ним угрозе со стороны пробуждающейся... совести демократического мира, быть может, подумаете, вы, читатель? О, нет, этого кремлевские бандиты не боятся, их пугает лишь пробуждающаяся и уже проявляющая себя сила борющегося против коммунистического гнета русского, российского, всероссийского народа — единственного в данное время подлинного, активного союзника героических борцов народа венгерского.

Б. Ширяев

В НОМЕРЕ:

Борис Ширяев
ЕДИНСТВЕННЫЙ СОЮЗНИК
ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Г. Месняев
КЛЕВЕТНИКИ РОССИИ

М. М. Спасовский
СТРАНА СТРАДАНИЙ, СЛЕЗ
И РАБСТВА

Н. Потоцкий
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
МОНАРХИСТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Михаил Бойков
НУЖЕН ЛИ НАМ
ШЕРЛОК ХОЛМС?

Лидия Норд
ПУТЬ НА ЗАПАД
(Продолжение)

Bizantino
HUNGRIA...SOLA

Политическая Хроника

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ В ВЕНГРИИ

Нам пишут из Нью-Йорка:

В связи с событиями в Венгрии, часть американской печати обвиняет русский народ в жестокости, перелагая на Россию и русских вину советских и венгерских коммунистов.

В то же время, американская печать помещает на своих страницах информацию, опровергающую это обвинение. Так, например, 15-го ноября "Нью-Йорк Таймс" напечатал сообщение из Вашингтона о показаниях, данных Сенату Соединенных Штатов прибывшим в Америку участником восстания в Венгрии, скрывающимся от коммунистов под псевдонимом Иштвана Лашло.

В этих показаниях Лашло заявил, что "те русские войска, которые находились в Венгрии в начале восстания были на стороне восставших и сочувствовали им". Он сказал также, что "многие советские солдаты отказывались от участия в борьбе с нами" и обращались к венграм с просьбой о предоставлении им убежища в Венгрии. В Будапеште, — по словам Лашло, — советские танкисты открыли огонь по советскому же танку, пытавшемуся противодействовать восстанию.

17-го ноября "Нью-Йорк Таймс" напечатал сообщение своего Венгерского корреспондента Джона Мак-Кормака. В этом сообщении сказано:

"Сведения, полученные мною из разных источников во время моего пребывания в Венгрии, подтверждают беженцами, которые продолжают переходить границу. Эти сведения говорят о переходе советских солдат на сторону восставших. Шесть беженцев из Саторауджауджели, расположенного около русской границы (на границе между Венгрией и Прикарпатской Русью — прим. "Нашей Страны") сообщают, что рядом с железнодорожным полотном, немного к Югу от Саторауджауджели, создан новый концентрационный лагерь. В нем находится от 5 до 6 тысяч разоруженных советских солдат. По словам беженцев, лагерь охраняется очень тщательно. По их же словам, один транспорт уже был направлен из лагеря на восток. Другие беженцы сообщают, что от 200 до 300 русских дезертиров сражаются на стороне восточных повстанцев, в руках которых находится район городов Бичке, Вешпрем, Папа и Кисбер в северо-восточной Венгрии. Все беженцы, участвовавшие в восстании, убеждены, что советские войска, которые были расположены в Венгрии, были заменены для подавления восстания, т. е. с 4-го ноября, новыми частями, состоявшими преимущественно из киргизов и монголов. Ранее находившиеся в Венгрии части были, преимущественно, русскими".

Известный испанский противник ген. Франко, проф. Сальвадор де Мадариага, ныне проживающий в Англии и преподающий в Оксфордском университете, обратился к редактору "Нью-Йорк Таймс" с письмом, в котором очень резко осудил неспособность и нежелание свободного мира помочь восставшим в Венгрии и задал в этом письме вопрос, "может ли свободный мир существовать после того факта, что единственными не-венграми, которые до сих пор сражались за свободу Венгрии, были русские дезертиры?".

Нам пишут из Вены:

По сведениям австрийских властей, число беженцев из Венгрии, которым Австрия предоставила убежище, достигло 55 тысяч человек (эта цифра не включает лиц, перешедших австро-венгерскую границу после 22-го ноября).

Особую группу в числе этих новых эмигрантов составляют офицеры и сол-

даты Советской армии, перешедшие во время восстания в Венгрии на сторону восставших и нашедшие, затем, вместе с ними, убежище в Австрии.

Венскому корреспонденту "Нашей Страны" удалось установить, что число этих бывших советских военнослужащих, ныне находящихся в Австрии, превышает 200 человек. Они составляют, таким образом, группу, численно значительно превышающую всех перебежчиков, попавших из СССР на Запад за все последние годы.

Как и новым венгерским эмигрантам им будет предоставлена возможность переехать из Австрии в некоторые другие государства.

ПОЛЬСКИЕ ЭМИГРАНТЫ И ГОМУЛКА

Нам пишут из Лондона:

События в Польше вызвали новый раскол в польской эмиграции. Польская христианско-демократическая партия, возглавленная Каролем Попелем, несколько лет тому назад порвавшая с польским зарубежным правительством президента Залесского, ныне сделала следующий шаг — Попель заявил в Париже, что его партия готова вступить в переговоры с варшавским правительством Гомулки и принять участие в "свободных выборах", если они будут организованы в Польше коммунистами.

По сведениям, которыми располагает Польское зарубежное правительство, это заявление Попеля только случайно совпало по времени с переходом власти в Варшаве в руки Гомулки и его сторонников. Соглашение польских христианских демократов с коммунистами подготовлялось еще при прежнем коммунистическом польском правительстве, состоявшем из правых "сталинцев". Один из сотрудников Попеля, Евстахевич, недавно побывав в Варшаве по приглашению существующей там организации "прогрессивных католиков" и, вернувшись из Польши в Париж, повел среди членов своей партии агитацию в пользу соглашения с коммунистами.

Польское зарубежное правительство, попрежнему, относится непримиримо ко всем оттенкам коммунизма и, в частности, к новому польскому режиму Гомулки. Состоящий членом этого правительства бывший адвокат Стыпулковский, недавно побывавший в Зальцбурге, заявил там представителю печати, что, по мнению польского зарубежного правительства, "титонизм" ничем не лучше коммунизма. Стыпулковский, однако, прибавил, что ни одно польское правительство не сможет отказаться от поддержки России до тех пор, пока Запад не признает проходящей по Одеру и Нейссе новой границы между Польшей и Германией. Польское зарубежное правительство солидарно с варшавским коммунистическим правительством в признании этой границы неизбежной и не подлежащей изменению.

ДЕЛО ЖУРНАЛИСТА БУРРИ

Нам пишут из Вены:

Австрийская печать, в связи с решением австрийского правительства предоставить убежище беженцам из Венгрии, подняла вопрос о судьбе недавно осужденного в Швейцарии журналиста Бурри, которого швейцарский суд признал виновным в государственной измене и в нарушении закона, запрещающего швейцарским гражданам выступать против Швейцарии и ее правительства в иностранной печати.

Бурри был национал-социалистом. Во время Второй Мировой войны он жил в Германии и активно участвовал в германской пропаганде. После войны он поселился в Верхней Австрии, где в 1946 году был арестован американцами, которые выдали его Швейцарии.

Австрийская печать требует ныне признания этой выдачи нарушением прав человека, освобождения Бурри из швейцарской тюрьмы и возвращения его в Австрию. Австрийские газеты подчеркивают, что это дело имеет принципиальный характер и что они не зашищают личности Бурри, ни тем более, его национал-социалистических взглядов. Однако, по мнению австрийских газет, нельзя применять две меры — одну к сторонникам демократии, а другую — к ее противникам. "Зальцбургер Нахрихтен" пишет, что в деле Бурри был нарушен не только суверенитет Австрии, но и все те принципы, которые, на словах, защищаются западными государствами.

Г. Месняев

КЛЕВЕТНИКИ РОССИИ

В страшные дни, когда по приказу разбойников, управляющих Россией, русскими руками подавлялось восстание венгерского народа, — чрезвычайное тяжкое чувство самой горькой обиды и острого национального унижения, владело, да владеет и по сей час, сердцами подавляющего большинства русских людей за границей.

Какое-то нелегко объяснимое чувство личной вины за происшедшее в Венгрии — мучило и продолжает мучить наиболее чутких и совестливых русских людей. Хотя разум и говорит им, что они, в сущности, не причем во всем происходящем, и что они вовсе не ответственны за чинимые Советами, от лица русского народа, преступления, все равно давно израненное и по вышенно чувствительное русское сердце, сжималось и сжимается от чувств едкого стыда и неутолимой обиды за свое бессилие.

Поэтому-то так болезненны и ранящи высказывания в печати тех, кто пользуется трагическими событиями по следних дней для сведения своих старых счетов с дореволюционной Россией, старается ее оклеветать и излить на нее свою застарелую злобу. Так, некто, скрывающийся за инициалами С. Н., в статье "Путаются в противоречиях" ("Н. Р. С." от 5 ноября с. г.), напечатанной рядом с сообщением о трагическом конце недолгой венгерской свободы, не только совершенно бестактно, но, позволительно сказать, и бестыдно, проводит параллель между современными событиями в Венгрии и по давлением венгерского мятежа русскими войсками в 1848 году, произведенным по приказу Императора Николая Первого.

Между тем, венгерский поход, вовсе не был каким-то исключительным явлением в международной жизни тогдашней Европы и тем менее личным капризом Императора Николая I-го, хотя, естественно, что последний и был убежденным сторонником монархического начала в Европе. Как известно, в те времена, международные отношения европейских государств определялись идеями Священного Союза, в который входили все тогдашние европейские государства, согласившиеся поддерживать принцип легитимизма и охранять существовавшие тогда "престолы и алтари". Венгерская кампания была лишь одним из звеньев той цепи военных действий, которые осуществлялись военными силами различных государств для борьбы с мятежниками (раньше волнение в Испании было подавлено Францией, а в Италии — Австрией). Все это субъективно может нравиться или не нравиться, но объективно совершенно бесспорно, что все, бывшее сто с лишним лет тому назад в Венгрии, происходило в полном согласии с существовавшими тогда международными соглашениями и было неоспоримо законно.

Император Николай Павлович послал свои войска в Венгрию для подавления мятежа, поднятого против законной власти и по просьбе законной главы австро-венгерского государства Императора Франца-Иосифа. Он не преследовал ровно никаких эгоистических целей, имея в виду лишь сохранение порядка в тогдашней Европе. Наконец, в самом характере действий русских войск на чужой территории нет ни малейшего сходства с характером действий советских войск. Войска Императора I-го не расправлялись с безоружным населением, а воевали с регулярной венгерской армией. Они не разрушали городов, не убивали женщин и детей, никого не казнили и никому не мстили. Словом, никакой аналогии между происходящим ныне и бывшим сто с лишним лет тому назад — не имеется. Утверждать обратное, злобно клеветать на Россию и искажать прошлое — это не более, как самая низкопробная демагогия, недостойная мало мальски уважающего себя человека.

Эта, вредящая для русского имени демагогия, к сожалению, полностью усвоенная редакцией "Н. Р. С." (См. статью М. Вейнбаума "После разгрома венгерского восстания" от 7 ноября с. г.) получает очень печальное отражение в американской печати.

Нью-Йоркский "Таймс", говоря о венгерских событиях и цитируя слова Ленина о том, что царское правительство подавляло чужие народы, "восставшие против рабства, как это было в 1848 году, когда русские войска подавили революцию в Венгрии" — добавляет от себя: "Как подходят эти слова к сегодняшнему дню, если только заменить слово "царский" словом "советский" и 1848 год — 1956!"

Русские люди имеют все основания "поблагодарить" тех, кто внушил американцам такие мысли и понятия. А, ведь, они бы могли внушить им и нечто иное и привести другие исторические примеры. Они могли бы, например, сказать американцам так: "Вот, сейчас, венгерский народ истекает кровью и ни одно демократическое государство пальцем не шевельнет, чтобы прийти ему на помощь. А, вот, когда-то, русские Императоры поступали иначе: Император Александр I-ый спас Европу от наполеоновской тирании; Император Александр Второй освободил силой оружия балканских славян, а Император Николай II-ой выступил на защиту Сербии".

Однако, мы знаем, что вспоминать подобные исторические факты вовсе не в интересах испытанных клеветников России.

Как бы в развитие этой клеветнической темы, в том же "Нов. Русск. Слове", одержимый клокоцущей злобой к исторической России, небезывестный меньшевик Г. Аронсон, с упорством достойным лучшего применения, стремлении всячески опорочить дореволюционную русскую власть — пытается всеми силами доказать, что П. А. Столыпин был убит не революционерами, а ни кем иным, как царским правительством, использовавшим для этой цели террориста Богрова, одновременно служившего в охранном отделе. Для чего нужно было царскому правительству убивать П. А. Столыпина, даже если согласиться с тем, что он стал впадать в опалу, — совершенно непонятно, и, конечно, ни одного Аронсон не съумет объяснить этого. Кроме того, не надо быть глубоким психологом для того, чтобы понять, что политические убийства, столь распространенные и обычные в современной, социалистической России, были просто немыслимы в России царской, где правительство в целом состояло из лиц, хотя и глубоко политически чуждых Аронсону, но абсолютно порядочных и честных, совершенно неспособных на какие-то убийства в средневековом стиле. Старые сплетни и совершенно бездоказательные догадки, касающиеся трагической гибели П. А. Столыпина, используются сейчас Г. Аронсоном вовсе не в интересах исторической правды, а исключительно для того, чтобы внушить своему читателю насколько дореволюционная российская власть "прогнила", как была она порочна и даже преступна.

Может быть, следовало бы пройти мимо этих, насыщенных ядом непреходящей ненависти и мести, рассуждений Г. Аронсона, если бы они не совпали с теми днями, когда у каждого русского человека возникает сверлящая мысль о том, кто же виноват и в крови, проливаемой в Венгрии и во всех тех ужасных преступлениях, которые совершены и совершаются в России и во всем мире со времени падения того самого царского правительства, которое пытается ошельмовать Г. Аронсон и его присные. Невольно возникает вопрос: имеет ли право именно он становится в негодующую позу обличителя мнимых пороков "старого режима", когда он сам является виновником и соучастником преступлений "нового режима", им и его товарищами подготовленного, вызванного в жизнь и идейно поддержанного.

Ведь не деятели Царской России заседали на разных подпольных, социалистических съездах за границей рядом с Лениным, Сталиным, Дзержинским и другими представителями "демократической элиты" и вырабатывали планы разрушения России. Не они, а товарищ Аронсон и другие, были единственными и идейно близкими людьми к Сталину, Дзержинскому, Молотову и Кагановичу. Именно они, эти революционные герои и чистопро-

Книгу Проф. А. В. Зеньковского
ПРАВДА О СТОЛЫПИНЕ

можно приобрести через представителей "Нашей Страны" во всех странах.

Цена — 4.00 дол.

По предварительной подписке —

Цена — 3.00 дол.

Эту книгу необходимо иметь КАЖДОМУ МОНАРХИСТУ.

ные социалисты были “товарищами” Аронсона и не только по названию, но и по существу. Это они заседали вместе в советах рабочих депутатов и “углубляли” революцию. Они же всячески препятствовали “контр-революционным генералам” бороться с большевиками. Они шельмовали и клеймили ген. Врангеля и Добровольческую Армию за границей. Во время Второй Мировой войны, замороженные победами Сталина, они внушали демократическому миру порочные мысли о положительной эволюции советской власти, что привело к передаче в руки большевиков ряда свободных стран, и, в числе их, той же Венгрии. Г. Аронсон и его идейные сотоварищи всячески клеймили тех русских людей, которые подняли оружие против Советов в последнюю войну и тех, кто в смертельном ужасе оставили Россию и с немцами ушли в изгнание. Да, наконец, разве не долготелней революционной клеветнической кампании социалистов против исторической России и, обязан русский народ тем, что весь демократический мир считает его и по днес равноценным большевикам и все преступления последних объясняет традициями, заимствованными ими от “жестокого”, “деспотического” и “варварского” правительства русских царей.

Разве демагогические исторические аналогии г-на С. Н. и исторические изыскания Г. Аронсона, касающиеся смерти П. А. Столыпина не поддерживают и не подогревают старой, застарелой вражды демократий к России и не подкрепляют тех неискоренимых заблуждений в отношении России, которые вызывают ненависть к русским, наблюдаемую сейчас в дни венгерских событий повсеместно? Нет сейчас ни одной газеты, ни одной речи, ни одного выступления за границей, где бы с негодованием, ненавистью и презрением не говорили бы о преступлении России и русского народа против Венгрии. И, разве можно винить в этом неосведомленных иностранцев, представления которых о России, об ее истории и об ее народе, зиждется на тех откровениях, которыми питали их десятки лет ходячих как раз те клеветники России, которые сейчас подвизаются на страницах некоторых русских эмигрантских газет, обливающих грязью прошлое России. Только совершенно патологической злобой к прошлому России, можно объяснить те давно потерявшие свой смысл, совершенно выветрившиеся политические пошлости, которые с тупым упорством продолжают твердить Г. Аронсон, неведомый С. Н. и другие представители затхлого прогрессивного мышления.

Не в том дело, что каждого совестливого человека не может не угнетать все безысходное беззвучие и вульгарность таких рассуждений. Их можно и не замечать. Ведь через несколько десятков лет не будет ни одного человека, помнящего Г. Аронсона и его единомышленников. О тех же его товарищах, которые мучают русский и другие народы, грядущие поколения будут вспоминать с ужасом и отвращением. Россия, конечно, вернется на свои исторические пути. Время с несомненностью покажет, что именно та Россия, которая поносится сейчас на всех демократических перекрестках, была много лет той преградой, о которую бесчисленно разбивались волны бесчеловечности, насилия, жестокости и дикости, затопляющие ныне мир.

Время покажет и степень страшной вины перед Россией тех, кто клеветает на нее перед иноземцами и кто сеет в сердцах их семена ненависти, презрения и злобы к русскому народу.

Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злодею:

Оно вам не поможет вновь.
И вы не смаете всей вашей черной кровью

России праведную кровь.

Примечание: Я позволил себе заменить в последней строчке знаменитого стихотворения Лермонтова “На смерть поэта” слово: “поэта”, словом “Россия”.

Г. Месняев

Н. Потоцкий

Из записной книжки монархиста

Каждый серьезный пропагандист русской национальной идеи, которая, по нашему твердому убеждению и вопреки негоднованию наших патентованных “демократов”, “либералов” и непредрешенцев, не может одновременно не быть и русской монархической идеей, должен, для успеха своей проповеди, не ограничиваться своими собственными мыслями и доводами в пользу своих тезисов, но и приводить утверждения и аргументы гениальных и талантливых мыслителей, писателей и публицистов, закладывавших и крепивших духовный фундамент российского национального самосознания.

Мне кажется, однако, что такой пропагандист обеспечит еще больший успех своей проповеди, если в своих выступлениях, письменных и устных, будет приводить и высказывания тех представителей русской литературы и русской политической мысли, которые фигурируют в святцах нашего, так называемого, освободительного движения и его современных последышей, как непогрешимые авторитеты.

Вот почему я позволю себе рекомендовать всем моим единомышленникам, стремящимся не только наносить идейные удары нашим “прогрессивным” бесам и бесенятам в зарубежье, но и гонящим себя к проповеди наших идей в российских массах при первой возможности, которая для этого откроется, заносить в свои записные книжки высказывания и изречения именно этих “жрецов” нашего гнилого либерализма, но, само собой разумеется, так кие, которые послужат подкреплением и яркой иллюстрацией наших собственных утверждений. Ведь некоторые из жрецов и служителей революционной и “освободительной” мысли были, не в пример их современным выродившимся подголоскам, все-таки подлинно русскими людьми, просто заблудившимися в трех соснах, и притом людьми, но крайней мере, перед самими собой честными, а потому и высказывали и писали иногда вещи, под которыми мы, “мракобесы” и “черносотенцы”, не только можем обеими руками подписаться, но и обязаны указывать на эти мысли и изречения русским людям, политически менее опытным или с еще не установившимся гражданским сознанием.

И в этой области первый пример подал нам наш незабвенный Иван Лукьянович. Привожу приведенные им выдержки в № 8 “Нашей Страны”:
ЛЕВ ТОЛСТОЙ О САМОДЕРЖАВИИ, КОНСТИТУЦИИ, РЕВОЛЮЦИИ И ПОГРОМАХ

О САМОДЕРЖАВИИ: Если спросите у русского народа, чего он хочет: самодержавия или конституции, то 90 % его вам ответят, что они за самодержавие, т. е. за ту форму правления, с которой свыклись. Народ ждет, что Царь, как отнял у помещиков крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и у власти станут болтуны-адвокаты, живодееры и прогоревшие помещики, то скажет, что земля ему не получить...

(“Яснополяские Записки”, т. 1, стр. 85)
О КОНСТИТУЦИИ: Так и у нас (как во Франции — И. С.) конституция не будет содействовать уменьшению насилия, а скорее увеличению его. (“Яснополяские Записки”, т. 1, стр. 85)

О РЕВОЛЮЦИИ: Если была бы революция, то выдвинулись бы такие люди, как Марат и Робеспьер, и было бы еще хуже, чем теперь. (“Яснополяские Записки”, т. 1, стр. 86)

О ПОГРОМАХ: Они (черная сотня — И. С.) противодействуют насильственному разрушению существующего порядка. Не верю, что полиция подстрекает народ. Это и о Кишиневе, и о Баку говорили... Это грубое выражение воли народа... Народ видит насильственную революционную молодежь и противодействует ей, а ей нужны волнения. (Гол. Мин. 111, 26)

О РАССТРЕЛЕ ГАПОНОВСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕМОНСТРАЦИИ на площади Зимнего Дворца 9-го января 1905 года: Царская власть это известное учреждение, как и Церковь, куда не пускают собак. К Царю можно обращаться по известным, строго определенным формам. Все равно, как во время богослужения нельзя спорить со священником,

так и всякое обращение к Царю, помимо установленного, недопустимо... Как же он будет принимать рабочих электрического завода? После них придут депутаты приказчиков, потом “Московских Ведомостей” и т. д. Царь не может выслушивать представителей петербургских рабочих... (“Я. З.”, т. 1, стр. 84).

Продолжим это маленькое, но важное дело, начатое И. Л. Солоневичем.

В. БЕЛИНСКИЙ О РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИЯХ:

...Невозможно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения; невозможно представить себе народа, не имеющего общего для всех сословий языка; но еще меньше возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев.

...Все эти обычаи укрепляются давностью, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению, как наследие потомков от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта небывалая и несбыточная.

...Да, обычаи — дело святое, неприкосновенное и не подлежащее никакой власти, кроме силы обстоятельств и успехов в просвещении! Человек, самый развратный, законченный в пороках, смеющийся над всем святым, покоряется обычаям, даже внутренне смеясь над ними. Разрушайте их внезапно, не заменив тотчас же новыми, и вы разрушите все опоры, все связи общества, словом, уничтожите народ.

...Да — много было сделано великого, полезного и славного! Петр был совершенно прав: ему некогда было ждать. Он знал, что ему не два века жить, и потому спешил жить, а жить для него значило творить...

...Но народ сметел иначе. Долго он стал, и вдруг могучая рука прервала его богатырский сон: с трудом раскрыв он свои отяжелевшие вежды и с удивлением увидел, что к нему ворвались чужеземные обычаи, как незваные гости, не снявши сапог, не помолясь святым иконам, не поклонившись хозяину; что они вцепились ему в бороду, которая была для него дорожкой головы, и вырвали ее; сорвали с него величественную одежду и надели шутовскую, исказили и испостижили его девственный язык и нагло надругались над святыми обычаями его праотцев, над его задушевными верованиями и привычками; увидел и — ужаснулся... Неловко, непривычно и беспомощно было русскому человеку ходить, залажа руки в карманы; он спотыкался, подходя к ручкам дам, падал, стараясь хорошенько расшаркаться. Заняв формы европеизма он сделался только пародией европейца. Просвещение, подобно заветному слову искупления, должно приниматься с благоразумной постепенностью, по сердечному убеждению, без оскорбления святынь, праотческих нравов: таков закон Провидения. Поверьте, что русский народ никогда не был заклятым врагом просвещения, он всегда готов был учиться; только ему нужно было начать свое учение с азбуки, а не с философии, с училища, а не с академии. Борода не мешает считать звезды: это известно в Курске. Какое же следствие вышло из всего этого? Масса народа упорно осталась тем, что и была; но общество пошло по пути, на который кинула его мощная рука гения.

...Итак, народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливался его душа в горе и в радости; второе же видимо изменялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже говорить русский язык, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом. (Статья “Литературное мечтание”)

Г. П. Федотов (современный “либерал” и идейный потомок Белинского): “Русский народ глубже принял в се-

бя и вернее сохранил образ Христа, чем всякий другой народ”.

“Не колеблясь, отдаем древнему русскому искусству предпочтение перед искусством западного Средневековья и Возрождения”.

Л. ТОЛСТОЙ О РОССИИ И ЗАПАДЕ
“Нам, русским, нет необходимости повторять европейскую цивилизацию”. По свидетельству А. Л. Толстой, “брошюру Хомякова, в которой тот доказывал, что Россия должна идти своим историческим путем, Толстой называл прекрасной и путь западных народов считал для России гибелью”.

“Если русский народ — нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы — цивилизованные варвары и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам все равно, как здоровому, работающему, неиспорченному малому завидовать парижскому плешивому богачу, сидящему в своем отеле!”.

(Дневник Л. Толстого, 3-го июля 1906 года)

ДРУГИЕ “ЛИБЕРАЛЫ” о том же

“Россия развилась иначе, чем Европа. По моему мнению, России суждена великая духовная будущность: она должна разрешить некогда все вопросы, о которых спорит Европа”.

Ч а д а е в
“Мещанство — последнее слово цивилизации. Весь “образованный мир” идет в мещанство. Оно — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие”.

Г е р ц е н
“Цивилизация Европы все быстрее идет к торжеству мещанского духа, который проникает в самые лучшие и благодородные завоевания европейской истории. В современном мире царствует жадный к наживе, беззастенчивый, аморальный “приобретатель”, для которого давно нет ничего святого, который давно привык все покупать, всем торговать. Недаром ощущает вся Европа приближение грозы — слишком душно стало в ней жить”.

Проф. В. Зеньковский ЕЩЕ О САМОДЕРЖАВИИ

“К началу XX-го века самодержавие оплотнело не столько на дворян, сколько на крестьян. Мало сказать, что они были покорны царской власти. Они просто были с ней органически связаны. В этой связи с крестьянской стихией была сила и цельность самодержавия: может быть, и России. Мужик понимал, какая Россия была великая держава, а мы, интеллигенты, плохо понимали”.

А. В. Т ы р к о в а
(“На путях к свободе”)

И, наконец, еще одна цитата, которую покойный Иван Лукьянович смело мог бы поставить эпиграфом к своему труду “Народная Монархия”:

“РОССИЯ ПРОЯВЛЯЕТ НАИБЫСШЕЕ РАЗВИТИЕ САМОДЕРЖАВИЯ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ БАЗАХ”.

А. Герцен
Н. Потоцкий

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В “Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича” поступили следующие суммы:

от Е. Ржегак — 50 песо, от Н. Н. Е. — 1.000 гуарани, от А. Флоринской — 20 дол. и ежемесячные взносы за ноябрь 1956 года от А. Г. М. — 50 гуар., от А. Ф. Л. — 100 гуар., от П. Л. Ш. — 50 гуар., от С. И. А. — 100 гуар., от А. Н. Р. — 50 гуарани, от инженера доктора, полковника Императорской Артиллерии М. М. Костевича — 100 песо.

По жертвования в “Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича” принимаются редакцией “Нашей Страны” и всеми ее представителями на местах.

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ газета “НАША СТРАНА” и все КНИГИ Издательства “НАША СТРАНА” продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйр редон);
в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Висилькиф, при церкви на Ав. Альвар.

Михаил Бойков

Нужен ли нам Шерлок Холмс?

Выход из печати в этом году моих двух книг — романа "Рука майора Громова" и повести "Бродячие мертвецы" — вызвал среди некоторой части читателей и литературных критиков то, что называется кривотолками. Одни умеренно хвалят, другие незаслуженно ругают. Незаслуженно потому, что ругающие, не обращая внимания ни на сюжеты, ни на литературный стиль и язык указанных книг, возмущаются преимущественно их тематикой, жанром. Мне, например, говорят:

— Зачем вы размениваетесь на мелочи? Кому сейчас интересен и нужен Шерлок Холмс или что-либо, ему по добное? Детективные романы и рассказы оказывают на читателей — и особенно на молодежь — нездоровое, разлагающее влияние. Начитавшись подобной литературы, можно и преступником стать...

На эти критические замечания у меня есть несколько возражений, которые я и постараюсь изложить в данной статье.

Детективная или криминальная литература отнюдь не мелочь и в мировом литературном творчестве занимает большое и видное место. Интерес к ней у читателя не падает, а растет с каждым годом. Об этом свидетельствуют витрины книжных магазинов, переполненные такой литературой. Созданного Артуром Конан-Дойлом "Шерлока Холмса", сейчас читают с интересом больше, чем полвека тому назад. Спрос на него так велик, что "наследники" писателя Адриан Конан-Дойль и Джон Диксон Карр выпустили в прошлом году написанную уже ими, новую книгу "Подвиги Шерлок Холмса".

В Советском Союзе читательский спрос на детективную литературу не меньший, а, пожалуй, даже больший, чем за границей. Неоднократно некоторые советские писатели, по социальным заказам Кремля, пытались создать "советских Холмса и Пинкертон" (например, Л. Шейнин — "Поединки", Шпанов — "Рассказы майора Пронина", Авдеенко — "Над Тиссой" и др.). Эти попытки успеха не имели. Детективная тематика в СССР слишком ограничена цензурой, и читатель от "героических энкаведистов", преследующих и ловящих "врагов народа", отворачивался. Поэтому власти пришлось пойти на компромисс. С 1928 по 1956 год конан-дойлевский "Холмс" издавался пять раз. Дважды издавали криминальные рассказы Эдгара По и романы Джемса Оливера Кэрвуда. Были изданы также "Лицо во мраке" и "Таинственный сосед" Эдгара Уоллеса, "Том Совер — сыщик" и "Пустоголовый Уильсон" Марка Твена, два сборника рассказов Герберта Честертона о патере Броуне и роман Эрля Биггерса "Дом без ключа".

Правда, в СССР даже "Холмс" поставлен на службу пропаганде. Предисловия к издаваемым там криминальным романам и рассказам пишутся "на марксистско-ленинской базе". А в 1942 году я, например, в одной роте солдат, после чтения там рассказа о Шерлок Холмсе, слышал такую беседу политура:

— Полиция капиталистических стран, товарищи, занята исключительно подавлением забастовок, разгромом рабочих организаций и вообще противодействует революционному движению трудящихся. Поэтому она, для борьбы против настоящих преступников, пользуется услугами частных сыщиков и т. д.

Далеко не вся детективная литература и не всегда действует вредно на читателя. Очень часто она может служить и воспитательным целям. Почему, "начитавшись" ее, человек, рискует обязательно превратиться в преступника? А если он станет сыщиком? Что в этом плохого? Сыщики нужны в каждой стране. И в России они потребуются тоже.

Говорят, что детективная литература вредна потому, что в ней описываются преступления, убийства, грабежи. Это категорическое утверждение страдает некоторой передержкой. В любом детективном романе или рассказе описывается не столько самое преступление, сколько методы, техника его раскрытия. Что же касается вредности

описания убийств, то с этой точки зрения, — положе руку на сердце, — "Преступление и наказание" Достоевского куда вреднее, чем "Нат Пинкертон". Последнее из этих двух, несравнимых одно с другим, литературных произведений, написано примитивно, первое — гениально. От которого же из них читатель получает больше впечатлений? В первом убийство изображается со всеми деталями и психологическими переживаниями преступника; описание преступлений во втором мало чем отличается от хроникерских заметок из газетного "Отдела происшествий". Однако, наша интеллигенция, вот уже столетия, неустанно твердит о вредности "пинкертоновщины", справедливо считая, в тоже время, даже намеки на вредность некоторых страниц "Преступления и наказания" кощунством.

А разве у Пушкина, Лермонтова, Голя, Льва Толстого, Некрасова, Лескова, Куприна нет талантливых описаний преступлений? И ведь ни у кого они никаких возражений не вызывали и не вызывают. В романах Фенимора Купера и Луи Буссенара люди убивают направо и налево. Между тем, некоторые из этих романов до революции были рекомендованы для школьных библиотек, назывались детской литературой. "Пинкертон" же и "Холмса" школьники читали тайком от родителей и учителей, под страхом наказания. Причины этого, не совсем нормального явления я объясню ниже.

Инициаторами создания детективной литературы является Эдгар По ("Золотой жук", "Преступление в улье Морга" и "Тайна Мари Рожэ") и Конан-Дойль, хотя и до них были попытки описывать сыщиков, не очень, впрочем, удачные (напр., в "Парижских тайнах" Эжена Сю или "Рокамболе" Понсон дю-Террайля). Литературные традиции этих писателей продолжили Кэрвуд, Марк Твен, Эдгар Уоллес, Агата Кристи, С. Ван Дайн, Биггерс и др. Детективная литература шла по правильному пути и имела воспитательное значение; сыщик в ней был героем, преступник — злодеем, порок наказывался, справедливость торжествовала.

К сожалению, некоторые писатели сошли с этого пути. Морис Леблан создал "Арсена Люпена", великосветского вора, одновременно грабителя и раскрывающего преступления; Е. Опленгейм и Карл Данон превратили преступника в героя; Честертон заставил заниматься сыском католического священника Броуна, при этом последний, для успеха своей сысской деятельности, ставит себя на место преступников и "совершает их преступления мысленно". В американской детективной литературе, за последнее десятилетие, воцарился культ пистолета и кулака, перебросившись в кино, радио и телевидению. Сыщики раскрывают преступления между прочим, а главным образом бьют физиономию тем, кто под кулак попадется и стреляют, куда попало. Польза от всего этого более, чем сомнительна.

В русской литературе не было и нет своего национального героя сыщика, такого, как Пинкертон у американцев или Холмс у англичан. Может-быть, не с кого было писать? Не существовали, может-быть, в России такие блюстители гражданской безопасности? Факты говорят обратное. Хороших полицейских и талантливых сыщиков было сколько угодно. Главный из них, вполне достойный быть названным национальным героем, это знаменитый И. Д. Путилин, пользовавшийся всемирной известностью и ни в чем не уступавший своему северо-американскому коллеге Натаниэлу Пинкертону. Почему же он не вошел в литературу?

Литературным героем в России конца прошлого века и начала нынешнего мог быть любой революционер, "потрясатель основ", "ниспровергатель режима", но отнюдь не сыщик, не полицейский, не жандарм. Неофициальная цензура "прогрессивной интеллигенции" писать о последних что-либо положительное запрещала категорически. Разрешалось выставлять их лишь отрицательными типами, критиковать, высмеивать. Городовому в литературе был вход воспрещен. Сыщика "про-

грессивная интеллигенция" подменила босьями Максима Горького, "Разбойником Чуркиным" и "Сонькой — золотой ручкой" (воровкой Софией Блужштейн). "Нат Пинкертон" и "Шерлок Холмс" (нашего отечественного происхождения, издававшегося выпусками) были названы "бульварщиной" и объявлены вредными.

Немногие робкие попытки ввести в русскую литературу сыщика встречались в штыки. Показателен в этом отношении случай с книгой "Собака Треф", написанной анонимным автором и изданной в 1912 году. Это роман о сыщике Путилине. Автор, не посмеявшийся выпускать книгу под своей фамилией, долго не мог найти издателя. Наконец, издатель нашелся, но поставил условие: вместо имени сыщика в названии романа должно быть имя принадлежащей ему собаки-ищейки.

Книга самого И. Д. Путилина "Сорок лет среди убийц и грабителей", "Очерки уголовного мира царской России", написанные начальником Московской сысской полиции и заведывающим Уголовным розыском Российской империи, Аркадием Францевичем Кошко, "Казнь" (записки прокурора) И. Янушкевича и криминальная повесть Г. Брейтмана "Драма в чугунном котле" (о борьбе полиции против революционеров в 1905 г.) выпущены только в эмиграции. А в России издателей для них "не находилось".

Однако, в эмиграцию тоже проникла, — и уже давно, — "прогрессивная цензура". А. Ф. Кошко в предисловии ко второму тому своих очерков пишет, что среди отзывов о них есть и такие:

"...авторы которых с горечью упрекнули меня чуть ли не в безнравственности моих очерков. Их критика сводилась к следующему: "давая описание изощренной преступной фантазии ваших горе-героев, — говорили они, — и описывая полицейские методы пресечения этого зла, методы не всегда этического свойства, вы наносили вред, особенно вашим юным читателям, прежде временно раскрывая им, быть может, и существующие, но глубоко отрицательные стороны жизни". Вот именно этого рода критикам мне и хочется ответить. Продолжая с логической последовательностью их мысль, можно договориться и до того, что уголовное право вообще и уголовное уложение в частности приводит к тем же результатам. Ведь лестница наказаний, например, распределяя кары, не только преследует разнородные преступления, но и предусматривает малейшие оттенки их. Не следует ли из этого, что изучение уголовных кодексов является делом вредным и безнравственным? В моих рассказах я, так сказать, иллюстрирую живыми примерами преступления, предусмотренные законом. Закон — это теория; похождения моих героев — это практика...

"...В русской литературе, как и во всякой другой, имеется немало и классических трудов, посвященных подобию общества, нравам героев дня, обычаю жителей трущоб и т. д. Существует целая литература по вопросу о проституции и горестном житье в разных ямах, однако никому не приходится в голову назвать эту литературу тлетворной. Мне кажется, писать можно о чем угодно, лишь бы держаться художественной правды, а в этом отношении я упрека не заслуживаю..."

Не заслуживают упрека в этом и такие, современные нам авторы, как Сергей Максимов, Николай Нароков, Борис Ширяев. Однако, книгу Нарокова "Мнимые величия" разделили подорех в "Новом Журнале", главным образом, за то, что автор ввел в нее "элементы детективного романа". Ширяеву досталось за его урядника Баулина из "Ваньки Вьюги". Мне достается за Холмса.

Некоторые "литературно-прогрессивные цензоры", в своем критическом неистовстве, доходят до абсурда. В № 6-7 журнала "Грани" была напечатана первая часть "Дениса Бушуева", но в № 26 этого же журнала Г. Петров, в статье "О том, что не на потребу" называя вышеуказанный роман С. Максимова "беззастенчивой выдумкой", заявляет:

"...волгари Денисы Максимова, как две капли воды, похожи на Максимова Денисовых из сборников "Знание"..."

Это — замаскированное и, конечно, несправедливое обвинение в плагиате...

В освобожденную от коммунизма Россию сразу же хлынет мутный поток американской пистолетно-кулачной литературы. Чем мы сможем остановить его? Буниным и Зайцевым, Набоковым и Ремизовым не остановишь. Клин клином вышибают. Читатель в эмиграции, за неимением достаточного количества "легкого чтения" на русском языке, обращается к иностранной литературе. В России он потребует такое чтение на языке русском.

Придется переиздавать Конан-Дойля, Эдгара Уоллеса, Кошко и Путилина; придется создавать русскую детективную литературу, положив начало этому еще в эмиграции. Иначе — в Россию вломится американский гангстер в цветной обложке.

Вместе с потоком литературным на нашу родину может хлынуть и другой еще более опасный. В любой полиции мира не всегда работают люди честные и к сысской деятельности подготовленные; лезет в полицию и много дрянн. У полиции царской России имелись некоторые темные стороны, но ее можно назвать почти идеальной, в сравнении например, с современной нам полицией северо-американской. Русский горсодовой и жандарм были честнее и вежливей своих американских коллег, лучше, чем они, выполняли служебный долг и охраняли безопасность граждан.

Тычки под ребра и "смазь по физиономии" арестованные в околотах иногда получали, но таких избиваний и пыток, какие мы видим в американских полицейских фильмах ("За решеткой", "Без вины осужденный", "Вики", "Бунт" и др.) там не бывало никогда. То, что творят сейчас работники советских "органов безопасности", привело бы в ужас любого городского. В 1946 году в Италии несколько преступников (по сообщениям итальянских газет и журналов) подвергли гипнозу, чтобы вырвать у них признания. Это в царской России было просто невымыслимо. Вера Фигнер в воспоминаниях о царской тюрьме описывает, как пришедший к ней в тюремную камеру жандармский офицер, в знак уважения поцеловал ей руку. За последнее время я что-то не слышал, чтобы полицейские целовали руки преступникам.

Акрадий Францевич Кошко во втором томе своих очерков (стр. 23-34) приводит случай, для нашего теперешнего времени невероятный. Произошел он в начале двадцатого века. Бразильский подданный, содержавший в Москве гостиницу, шантажировал вдову-купчиху, миллионершу Х. и выманил у нее разновременно 370 тысяч рублей. В шантаже участвовали полицейский врач и пристав; первый из них получил 10 тысяч, а второй 5 тысяч рублей. Стремясь оградить себя от дальнейших вымогательств, купчиха обратилась в полицию к А. Ф. Кошко.

Этот случай оказался весьма "деликатным". Для установления факта вымогательства под угрозой, кроме ареста потерпевшей, требовались серьезные доказательства. Таких доказательств не имелось. Желая избежать огласки, потерпевшая категорически отказывалась от ведения дела обычным судебным порядком. Оставалось только административное воздействие, но московский градоначальник, генерал Андреев не решился принять меры такого воздействия, т. к. мог вмешаться бразильский консул и, в результате, возник бы дипломатический конфликт. Обратившись к министру внутренних дел Маклакову, градоначальник получил от него такой ответ:

— Уполномочиваю вас, генерал, применить те меры, что применили бы вы к рядовому русскому шантажисту. Действуйте энергично и быстро!

По указаниям А. Ф. Кошко, купчихе Х., при передаче шантажисту очередного "взноса", удалось получить от него расписку. В момент этой "сделки" он был арестован, а затем выслан. Деньги у шантажистов отобрали и все до копейки возвратили их владельцу; никто в полиции на них "лапу" не наложил. Полицейский врач и пристав были уволены со службы в 24 часа. При получении денег от А. Ф. Кошко, купчиха рассыпалась в благодарностях и между ними произошел следующий разговор:

— Очень прошу вас, передайте вашим людям вот эти 50 тысяч, — сказала она.

— Что вы, сударыня? — возразил он. — Такой суммы я не позволю им

Лидия Норд

ПУТЬ НА ЗАПАД

(Продолжение)

Я, наклоняюсь над Ксаной. Приподнимаю ей голову, даю пить. Девушка делает несколько глотков и отстраняет кружку. Снова смыкаются длинные темные занавески ресниц и девушка тяжело опускается на солому. Ксана ни на что не жалуется, но слабеет с каждым днем. И за весь длинный наш путь никто не слышал от нее иного слова, кроме "да" и "нет". Когда я подхожу к ней с лекарством, ее глаза как-будто говорят: "Да оставьте меня в покое"...

Но я не оставляю. Мне очень жаль ее. Может быть, из-за ее редкой и едва расцветшей красоты... Непроизвольно провожу, слегка, пальцем по дугам ее тонких бровей, чтобы еще раз убедиться, что они не нарисованные... Какая-то проклятая хворь съедает безвольно отдающееся ей молодое, прекрасное существо... Я почему-то уверена, что в такой совершенной "оболочке" должна быть и незаурядная душа... Не она ли, раздавленная войной, тянется в могилу тело?

Часто мелькает мысль, не делаю ли я преступления, что не сказала о болезни Ксаны доктору Козлову? Но, думая о нашем враче, невольно повожу лопатками. Какое-то "26-ое" чувство говорит мне, что Ксану надо охранять от этого рассчетливого, бездушного животного...

Во время второго осмотра, доктор Козлов выглядел очень деловито. Может быть, его "подкрутил" комендант? Осмотрев одного больного ангиной пленного Козлов вдруг разразился получасовой лекцией об этом злокачественном заболевании. За утро он мне прочел пять таких лекций и не окончил шестую, потому что больному надоело слушать объяснения, как он отправится на тот свет и "доходга", собрав последние силы, приподнялся и крепко обругал врача. Те, кто были поздравлены, обрадовались случаю — энергично поддерживали умирающего. Козлов, поперхнувшись словом, сразу утратил свой апломб, сполз на карачках по приставленной к вагону лестничке и, очутившись на воздухе, начал отряхиваться, как курица.

— Сволочи! Хамы! Как они смеют так выражаться при женщине! — возмущался он, как видно уже позабыв, что в это утро я потребовала, чтобы он не отпускал при мне площадных слов, которыми он осыпал одного из больных.

— Нет, — продолжал врач, — русский народ свиньи! У них нет ни благодарности, ни уважения к интеллигентным людям. Мы вот покажем нашу культуру — пусть учатся у нас — немцев...

— Да какой же вы немец? — усомнилась я. —

Фамилия у вас чисто русская и по-немецки вы ни слова...

Торопливо миновав вагон, где у больных были признаки тифа, Козлов поднял полу халата и вытащил из пиджака бумажник:

— А вот, — видите? Это удостоверение из комендатуры, что я фольксдейч. А это другое доказательство — метрика. Моя мать была чистокровная немка и немцы признают национальность по материнской линии.

Действительно, метрическое свидетельство подтверждало, что супруга Козлова (отца) была урожденная фон дер Ратберг и родила сына Глеба. И хотя все, начиная с пожелательной бумаги и до подписи священника и церковных печатей, было в порядке, но общий вид метрики мне показался странным. Я еще раз просмотрела ее и увидела, что священник Киевского Софиевского Собора писал в 1899 году по новой орфографии. "Может быть, это копия?" — подумала я. Нет, дата выдачи метрики — апрель 1899 года. Если бы Козлов мне не был так антипатичен, то я бы вернула ему метрику молча, но тут не выдержала:

— Советую вам больше никому не показывать эту метрику.

— Почему!? — возмущился он.

— Да потому, что в те времена писали ять, "и" с точкой и твердый знак.

Козлов остолбенел с раскрытым ртом. Потом побагровел и не найдя что сказать, хлопал глазами.

С того дня он стал со мной приторно любезным.

Стал выделять мне вместо пяти — семь сигарет и раз даже решил поразить меня плиткой шоколада. Но, видимо, подумал, что целая плитка для меня слишком много, разломил ее пополам: — "делю по-братски" — остальное тщательно завернул и спрятал в карман. Теперь, вместо лекций, он надоедал своими планами на будущее: "Гамбург... Гамбургские галстуки, гамбургские подтяжки, (их можно носить годы — они не вытягиваются) гамбургские носки тоже поразительной прочности, их можно там купить под цвет галстуков, в чем заключается высшая элегантность"...

— Вы только держитесь за меня, — говорил Козлов. — Я вас обязательно вытаску в Гамбург, устрой у себя ассистенткой. Вы знаете немецкий язык — и мне и вам это выгодно. И такой случай вам больше не представится. Ведь, в Германии, если вас и выпустят из лагеря военнопленных, то без протекции вы на приличное место не попадете.

После этого, он давал мне распоряжения, что делать и сам исчезал до того часа, когда мы шли докладывать коменданту. Вечерний обход я уже делала сама. Узнав об этом, мои товарищи поручали мне узнавать: не знает ли кто из пленный, что стало с такой-то частью? Не встречал ли кто таких-то? А чтобы я не перепутала, то мне составлялся

цельный список. Со своей стороны, пленные солдаты и командиры интересовались, кто из сестер попал в плен. Когда в одном из вагонов я назвала Ксану, один из пленных спросил:

— Высокая? Красивая собой? А как она теперь? Отошла?

— От чего отошла? — сразу ухватилась я.

— Да так, это я к слову сказал, — увильнул он. — Сестра она замечательная — работала не покладая рук. Многим жизнь спасла...

Позже, улучив момент, я снова заговорила с этим пленным о Ксении. Долго пришлось улаживать его, пока он рассказал мне все:

...Веселая она была и такая простая со всеми.

Смотришь на нее и сердцу приятно... Мы тогда около Н-ска стояли, в аккурат сменились с передовой.

Раненых хватало. Немцы нас артиллерией крыли,

шоссе тоже под обстрелом было. Отправили одну

машину с т я ж е л о ранеными в город —

ее снарядом и накрыло. А за оставшимися Ксанка,

что мать родная ходила... И доктор у нас в сан-

части хороший был — он ее очень жалел... Тут

возьми и прицепись к Ксанке старший лейтенант. Сво-

лочь он был и трус — бойцы не любили его. И Ксан-

ка, того, с понятием: раз он обнял ее, а она его по-

морде... Да так смазала, того, что у нас в ушах за-

звенело. Он не отстал — подстерег ее и насильни-

чал. Кто-то из бойцов услышал, вроде как Ксанка у

речки кричит... По воде, знаешь, далеко слышно...

Побегли мы туда. Она в бесчувствии — он ее руко-

яткой от нагана оглушил... Его споймали — не успе-

л схорониться. Тут же его ребята и прикончили.

Потом в речку кинули: ищи-свищи, где делся... Мож-

ет, сам сбежал... На фронте и такие случаи, сама

знаешь, бывали.

Ну, с тех пор Ксанка и помутилась. Говорить

перестала. Ото всех пряталась. Думаем, это от сты-

ла с девкой приключилось — отойдет помаленьку.

Тут приказ — опять на передовую, прорыв ликви-

дировать. И стала она, как шальная, лезть под пу-

ли. Сколько раненых из самого огня она вытаски-

ла! Санитары ругались, а как девка сама вперед лез-

ет, как не поползти за ней — поползли. И очень

мы уважали ее за смелость! Начальство ее к выс-

шей награде представило. Объявляют ей это, вме-

сте с благодарностью, а Ксанка и бровью не повела

— стоит, как кукла. Потом повернулась и к себе, в

санчасть. Только и жила работой, а к жизни поте-

рjala сердце.

— А тогда... ее никто из бойцов не тронул?..

— спросила я.

Он посмотрел на меня так, что пришлось опу-

стить глаза.

— Ну и дура же ты!.. А еще с образованием...

Это — мы-то? Ксанку нашу? Почитай, что родную

сестру?.. (Продолжение следует)

принять. Они исполняли лишь свои служебные обязанности.

— Нет, г-н Кошко. Уж в этом вы мне не откажите. Я непременно желаю их отблагодарить.

Подумав, он сказал:

— Если вы, сударыня, непременно этого хотите, то поезжайте к градоначальнику и, если он разрешит, оставьте для передачи моим служащим некоторую сумму, но никак не более пяти тысяч; эта сумма будет им щедрой наградой...

Купчиха Х. так и сделала.

Расскажите этот случай какому-нибудь инспектору нью-йоркской полиции, и он назовет г-на Кошко сумасшедшим. У них разные точки зрения на их службу: у г-на Кошко на первом месте была его полицейская честь, у нью-йоркского инспектора на первом месте его полицейский "бизнес". Три с лишним года тому назад начали чистку в нью-йоркской полиции, но неожиданно ее прекратили. В газетах были напечатаны сенсационные сообщения, что если вычистить всех полицейских, связанных с гангстерами, контрабандистами, мошенниками, шантажистами, содержателями притонов и прочим преступным элементом, то в Нью-Йорке некому будет даже уличное движение регулировать. Немудрено, что некоторые американцы, терроризируемые бандитами, предпочитают договариваться с ними, но не обращаться в полицию.

В очерке "Рижские алхимики" (том 2, стр. 36-37) А. Ф. Кошко рассказывает, как для обличения шайки преступников в Риге потребовалось произвести перлюстрацию их корреспонденции, отправляемой за границу.

"Чтобы получить разрешение на такую, — пишет он, — я отправился к местному губернатору М. А. Пашкову. Пашков был милейшим, честнейшим человеком. Однако, он полагал, что даже в борьбе с преступностью не следует забывать строгих велений этики и морали. Вот почему слово "перлюстрация" повергло его в смущение, и он отказал мне в своем содействии перед надлежащими инстанциями на получе-

ние разрешения применить перлюстрацию... Я же, для пользы дела, считал ее, в данном случае, решительно необходимой, а потому вошел, частным образом, в соглашение с местным начальником почтовой конторы, моим личным знакомым, который и согласился осматривать всю получаемую и отправляемую этими лицами корреспонденцию".

Кто из читающих чужие письма теперь, в специальных полицейских отделах для этого, задумывается над вопросом допустимости перлюстрации? И какое из современных правительств, охраняя безопасность своих граждан от преступников, решится на дипломатический конфликт?

Арестованный гражданин Российской Империи мог, в подавляющем большинстве случаев, разговаривать в полицейском участке свободно и безбоязненно; его не пытали; он широко пользовался защитой адвокатов, сочувствием и поддержкой общественного мнения. Все это доступно и гражданам Соединенных Штатов, но не каждому и не всегда.

Летом 1954 года в Нью-Йорке арестовали Джона Френсис Роч, убийцу четырех человек. В тюрьме он признался, что убил еще двух, однако, за эти убийства уже отбывали наказание двое осужденных. 22 августа 1953 г. был найден труп убитого матроса Эдварда Бэйтса. Пять дней спустя бруклинская полиция арестовала Пола Пфейфера, имевшего в прошлом четыре судимости. Он сознался в убийстве, но на суде его адвокат заявил:

— Этот подсудимый, во время следствия, сознался под давлением по третьему градусу.

Не приняв во внимание это заявление, суд приговорил Пфейфера к 20 годам тюрьмы.

В сентябре 1953 года кто-то задумал 23-летней миссис Броун. По заданию в убийстве был арестован Оливер Фримэн, известный тем, что несколько раз нападал на женщин. На допросе в полиции он признался, но даты убийства вспомнить не мог. Доставленный на место преступления, Фри-

мэн восстановил картину убийства, но не очень уверенно. На суде он сказал, что его измучили во время допроса, и вырвали у него признание. Однако, он был признан виновным и приговорен к тюремному заключению от 10 до 20 лет.

Подобные методы следствия и приговоры в царской России (если бы там это было возможно) вызвали бы крупные скандалы. А в САСШ — ничего особенного. Просто очередные сенсации.

Человека, попавшего в советский застенок, истязают и пытаются, как нигде в мире, во все же со следователем или "теломехаником" там разговаривать можно. Методы гитлеровской гестапо мало чем отличались от методов НКВД, хотя и были несколько мягче. С гестаповцами, однако, арестованные разговаривали, особенно при знании немецкого языка. Галицийские "полицай", приехавшие в Россию в обзоре германской армии, зверствовали отчаянно, но и с ними возможно было "разговаривать на украинской мове".

Только с одним сортом полиции, в минувшую войну, нельзя было говорить ни на каком языке. Это — американская военная полиция, brave чины которой, за свои белые каски, получили прозвище "подснежников". Лексикон наиболее диких племен Центральной Африки не превышает 300 слов; лексикон "подснежников" состоял из одного единственного: о-кэй. Сидел такой "подснежник", задрал ноги на стол, окруженный фотографиями голливудских красавиц, жевал резинку, мечтая о своем "бизнесе" и бэйзболе, и на все вопросы и объяснения арестованного антикоммуниста из него утробно вырывалось:

— О-кэй!

С этим же словом он бил арестованного резиновой дубинкой по голове и выдавал его коммунистам на разтерзание.

Что, если подобное чудовище вторгнется в Россию, освобожденную от коммунизма? Или — еще хуже — в будущую полицию ползет отвратительная смесь из чекистов, "полицай" и

"подснежников"? Куда тогда деваться населению? Сговариваться с бандитами или спешно создавать отряды самообороны от полиции?

За прошедшие со времен Холмса и Путилина 40-50 лет полицейская техника шагнула далеко вперед, но далеко назад отступили полицейская честь, этика и мораль. Результаты этого отступления плачевны: во многих полициях мира главными движущими силами их деятельности являются палка и взятки. Менее других подвержен этим порокам лондонский Скотланд Ярл; там еще живы "холмсовы традиции", на которых воспитано поколение современных английских детективов и криминологов. Ведь Конан-Дойль не один "выдумал" своего литературного героя; ему в этом помогли сотрудники Скотланд Ярда. И для многих сыщиков "Шерлок Холмс" был начальным учебником, азбукой криминологии.

В эмиграции много пишется о будущей России: о Земском собрании и Учредительном собрании, о землеустройстве, кооперации, профсоюзах и прочем. Не пишут только о том, что потребуются раньше всего этого; о полиции. Между тем, в эмиграции есть достаточно специалистов всяких полицейских дел. К сожалению, эти специалисты, за немногими исключениями, молчат.

Для того, чтобы подготовить опытного детектива или хорошего криминолога, требуются годы. Прежде, чем браться за учебник криминологии, нужно иметь какую-то предварительную подготовку. Средствами такой начальной подготовки как раз и могут быть воспоминания сыщиков прошлого и лучшие образцы детективной литературы. Ничего иного у нас пока нет. А чекисты, "полицай" и "подснежники" России не подходят.

Нам нужен Шерлок Холмс, вооруженный новейшей полицейской техникой, но не лишенный полицейской чести, этики и морали. Нам нужны Нат Пинкертон и мистер Ридер из романов Уоллеса, А. Ф. Кошко и русский "король сыщиков" И. Д. Путилин.

Михаил Бойков

HUNGRIA... SOLA

“Por lo más sagrado, ayudadnos”

Hungría está sometida a indecibles sufrimientos, la lucha heroica de los rebeldes persiste, es una lucha del todo por el todo, donde la consigna es Libertad o Morir. Hungría lleva la peor parte y no es difícil que quede irreversiblemente vencida en esta lucha que se desencadena no en forma traicionera, que repugna a cualquier hombre bien nacido. Mientras se trataba la retirada de las tropas soviéticas, éstas atacan., las grandes potencias occidentales tendrían que saber, desde un principio, que los rojos no podrían tolerar un país anticomunista en sus propias fronteras; pero ni Londres ni Washington y París no movieron un dedo para una ayuda efectiva a los húngaros, eso sí, movieron la lengua.

Es algo muy triste tratar el caso del heroico pueblo húngaro y mirando los sucesos mundiales, y distintas posturas, vemos a la humanidad como corre ansiosa a su propia destrucción, ¡es una imagen terrible!; hermandad, entendimiento mutuo, comprensión, solidaridad, están en las palabras y nada más.

El caso de Hungría, nos muestra claramente que ni Londres ni París, tienen el mínimo deseo de combatir el comunismo. Washington juega al si y al no en este aspecto, seguramente de acuerdo a la mayor o menor presión al respecto.

Lo que a continuación diremos al lector le parecerá algo exagerado, pero la sucesión de hechos hablan con elocuencia.

Hungría en estos momentos es una víctima más de la lucha que se entabló contra el pueblo ruso, muchas décadas atrás en especial forma por Gran Bretaña. Algunos círculos tanto de Londres, París y Washington, hicieron, hacen y seguramente harán todo lo que les es posible para evitar que en Rusia se sacuda el yugo comunista; por eso Hungría está sola contra los rojos y si Hungría se libera del comunista, todos los países dominados por él, — incluso Rusia, tendrían enormes posibilidades de hacer otro tanto y por su propia y exclusiva cuenta. Por esa razón la única ayuda que reciben los húngaros es el “bla... bla...”.

Debemos hacer una reseña de hechos que se han sucedido para darnos cuenta cabal en que plano está la política internacional, para ello iremos repasando el libro de Eugen Lyons “Nuestro Aliado secreto el Pueblo Ruso”, le que colocaremos entre comillas son párrafos de ese libro.

El Sr. Eugen Lyons, estuvo 6 años en la URSS y ha estudiado con detenimiento la situación en ese país como a sí mismo, como se basa la política internacional al respecto y su libro es sin duda, una gran obra en pos de la hermandad humana, y tal vez por ello es poco discutido y tratado.

Diremos que la tesis de este escritor es: o ir a una guerra mundial nuevamente, con el consiguiente peligro para toda la civilización, o encarar la política internacional de tal modo de ayudar a los pueblos oprimidos por el comunismo, Bizantino

— incluso Rusia y en primer término, pues es lógico que desapareciendo el comunismo en ese país los restantes se liberarán inmediatamente y sin una gota de sangre. Las palabras de Eugen Lyons cayeron en el vacío y ahí tenemos a la heroica Hungría destruida y en un mar de sangre.

(Continuará)

**ВСТРЕЧА
ЛИТЕРАТОРОВ
С ЧИТАТЕЛЯМИ**

посвященная русской девушке, состоится в воскресенье 23 декабря, в 5,30 час. вечера, в Доме русских белых (Карлос Кальво 2851).

В ПРОГРАММЕ ВСТРЕЧИ

- 1) Мария Шелехова-Бенке: “Тургеневская девушка” и “Девушка моих снов”.
 - 2) Валентина Краснова: “Казачки”.
 - 3) Михаил Бойков: рассказ “Лелька Чубчик” из книги “Русская честь”.
 - 4) Анатолий Бор: “Девушке и океану” и “Разговор с музой” из сборника “Свет и сумрак”.
 - 5) Дмитрий Товдин: “Голубое кашне” и др.
 - 6) Николай Воронков: Стихи
- Читают авторы и артист
А. М. Лучинский
Вход свободный

**СТРАНА СТРАДАНИЙ, СЛЕЗ И РАБСТВА
(РЕЧЬ НА ДНЕ НЕПРИМИРИМОСТИ В СИДНЕЕ 18 ноября 1956 г.)**

Сегодня мы отмечаем день нашей не примиримости с тем каторжным режимом лжи и насилия, который утвердился в России в 1917 году и который обманул весь свободный мир фальшивкой своих сладких и звонких, но предательских лозунгов.

Революция 17-го года — знаменательная революция во многих отношениях и, прежде всего, в том, что она с удивительно наглядной яркостью продемонстрировала ПРОВАЛ того либерального мечтательства тех, так называемых, “передовых” идей и тех, так называемых, “прогрессивных” идеалов, конми оваяно было несчастной памяти “освободительное движение” — свергнуть, уничтожить и растоптать Национально-Историческую Россию, чтобы на месте “кровавого царизма” водворить “святую мечту” революционеров — демократов и социалистов, — водворить царство “невыразимо прекрасного будущего”.

Водворили. На тысячелетнюю многотрудную и величавую историю России был вылит океан хулы и пошлости. Люди, одержимые пафосом отрицания, высмеяли и просмеяли все свои святости — религиозные, национальные и исторические. Духовная слепота, богопустынный мир, убитая совесть в душе и под партийную скобку подстриженный ум были приняты и стали критерием просвещенности, критерием “передовой” и “прогрессивной” мысли.

“Мы свой, мы новый мир построим!” — кричала ведущая элита революционных дел мастеров и идущая за этой элитой толпа баранов в виде “сеятелей разумного, доброго, вечного”.

“Новый мир” построили и на воротах этого мира прибили горделивую вывеску — “Союз советских социалистических республик”, что в переводе на русский язык означает: — “Страна Страданий, Слез и Рабства”.

Так на Россию, а вслед за нею и на весь свободный мир опустилась ЭПОХА ТЬМЫ И СКОРБИ.

Радужные в теории, социал-революционные и социал-демократические доктрины, взращенные марксизмом, оказались в жизни сплошным кровавым бредом и сплошным кровавым блудом. Мечтательное “невыразимо прекрасное будущее” вылилось на практике в кошмарную цепь концлагерей и смерти.

Права оказались не те, кто блудливо играл на прельстительной окраске “освободительного движения” и кто жонглировал соблазнительными словами о братстве и любви, равенстве и свободе, а те, кто защищал бытие и благополучие державного дуба цветущей Российской Империи. Срубил этот дуб — для водворения рая на земле, но вместо рая на месте дуба стали расти и растут горы прострелянных российских черепов.

Так завершился провал и разгром “передовых” идей и “прогрессивных” идеалов. Так апостолы и проповедни-

ки рая на земле оказались самыми обыкновенными политическими комбинаторами, спекулянтами и мошенниками, а их слепые, плоскодумные ученики и последователи оказались ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ БОЛВАНАМИ, попавшимися на удочку этих апостолов и помогавшими им сокрушить свой Отчий Дом, свободный, мирный, сытный, а народ свой отдать в неслыханное рабство.

С тем ужасом, который водворился в России с 1917 года, мы не можем примирить себя. Ведь если бы СССР не был ужасом, то кремлевские сатрапы не опустили бы над Русской Землей свой Железный Занавес!

Поднимите-ка этот Железный Занавес, дайте-ка свободу передвижения российским народам, много ли людей останется в пределах СССР? Те непрерывные восстания, которые, особенно в последние годы, все чаще и все шире наблюдаются, как внутри СССР, так и в советских сателлитах, и которые скрывать уже невозможно, лучше всяких слов говорят, насколько жесток и невыносим каторжный режим осуществленного социализма.

Мы потому и непримиримы, что все это видим и понимаем ясно, ярко и верно. И беженцы, каким-то чудом, время от времени, вырывающиеся из СССР, лишний раз подтверждают, что коммунизм есть коммунизм, что коммунизм по своей природе не может эволюционировать ни в каком направлении, что коммунизм есть могила для всего человеческого в человеке.

Мы непримиримы потому, что хотим жить, хотим сохранить в человеке его человеческое достоинство. Мы непримиримы потому и главным образом потому, что хотим помочь российскому народу во всей его многонациональной громаде разбить цепи его рабства, помочь ему выйти на свободу, вернуть все наше российское национально-историческое достоинство — религиозное и государственное. И всякое сосуществование с коммунизмом, с этим синонимом лжи и насилия мы считаем ПОЗОРОМ.

Коммунистическая власть, как власть противоестественная, обречена и она падет. Коммунистическая власть должна быть свергнута и она будет свергнута. И да благословит Господь Бог всякое усилие в этом направлении!

М. М. Спасовский

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 1 фр. бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоятельно просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Я, Александр Евграфович Морозевич, разыскиваю моих однокашников — кадет Ташкентского Корпуса и знакомых Туркестанцев. Мой адрес: Sarmiento 3034, Olivos (Buenos Aires) Argentina.

Елену Георгиевну Гориچار разыскивает доктор Павел Г. Стрелов. Писать по адресу: Olague Feliú 2938, Olivos FCNGBM, Prov. Buenos Aires, Argentina.

Б. М. Федосенко просит лиц, знающих о судьбе Наталии Владимировны урожденной Винда, или ее сестер, уехавших в Аргентину из Югославии в 1923 году, сообщить ему по адресу: В. Thedossienko, 20, rue de Villiers, Levallois (Seine) France

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1700), Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción, U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave, San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 8, Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue D'ioné Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, “Kama” 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriae, Cas. postale 102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Beas Str. Buranda, Brisbane, Q.d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdwal, Teheran.

КНИГА-ПОЧТОЙ

Самый большой выбор старых и новых книг. Высылка книг в провинцию и другие страны. Продажа книг по вторич., четв. и субботам от 18 до 21 час. Телефон 745-0045 (звонить только в указанное время!). Пересылка книг за счет заказчика. Требуется каталоги. Заказы и письма адресовать Miguel Tamarzoff, Casilla de Correo No. 4, Villa Ballester. F.C.N.G.B.M. Argentina.

1. В. Иванов. Тайны масонства. 16 песо (0.75 дол.)

2. История русского масонства. Том I. 45 песо (2 дол.)

3. История русского масонства. Том II. (Находится в печати). Цена по предварительной подписке: в Аргентине — 35 песо, в других странах — 2 дол., включая пересылку.

Отечник или изречения Св. отцов древности 9 п. (0.75 дол.)

Антисоветск. анекдоты (Борьба Нар. Пропанды с Большевицской.) 5 п. (0.20 дол.)

С. Франк. Ересь Утопизма. Критика идейных основ религиозного, Полит. и социального утопизма 8 п. (0.50 дол.)

И много других книг классиков, для детей и по технике.